

“Эринии и вакханки”.
Кто стоял у истоков
новой болгарской
общности
в 1185–1186 гг.?*

Андрей Юрьевич
Виноградов

Национальный исследовательский
университет “Высшая школа
экономики”
Москва, Россия

Анастасия Сергеевна
Добычина

Институт славяноведения
Российской академии наук
Москва, Россия

“Erinyes and Maenads”.
Who Stood at the
Cradle of the New
Bulgarian Community
in 1185–1186?

Andrey Y. Vinogradov

National Research University Higher
School of Economics
Moscow, Russia

Anastasia S. Dobychina

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматривается проблема идентификации “бесноватых”, упомянутых в “Истории” Никиты Хониата, как катализаторов восстания в болгарских землях против Византии в 1185–1186 гг. До недавнего времени отечественные, болгарские, западноевропейские и американские исследователи рассматривали вопрос об идентификации “бесноватых” в основном по двум условно выделяемым направлениям. В рамках первого направления “бесноватые”

* В данной научной работе использованы результаты проекта “Символическое поведение в Средние века и раннее Новое время”, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г.

Хониата — особая группа лиц, отличающаяся от остального населения физически, необычным обликом или поведением, охваченная экстатическим состоянием, либо симулирующая его. В рамках второго "бесноватые" рассматриваются как непосредственные участники восстания, возмущенные и негодующие против византийской власти и одновременно воодушевленные перспективой будущей независимости от империи. Согласно этому направлению, Никита Хониат представляет действия участников восстания в виде насмешливой карикатуры и тем самым подменяет ею величественную картину борьбы болгар и влахов за народное освобождение. Однако, пытаясь реконструировать историческую реальность, исследователи слишком прямолинейно подходили к сложному тексту Никиты, сотканному из многочисленных цитат, аллюзий и реминисценций. Текстологический анализ произведения Хониата показывает, что описание людей, призывающих болгар и влахов к борьбе, стилизовано под образы вакханок и эриний из античной поэзии и драмы. Очевидно, оно носит чисто литературный характер и вряд ли может использоваться в целях точной реконструкции исторических реалий.

Ключевые слова

Никита Хониат, "бесноватые", болгарские земли, Византия, восстание 1185–1186 гг., вlahи, болгары

Abstract

The paper investigates the nature and identity of the "demoniacs" mentioned in Niketas Choniates' "History" as instrumental in bringing about the anti-Byzantine revolt in Bulgaria, 1185–1186. Until recently, researchers from Bulgaria, Russia, Western Europe and America approached the issue basically along two lines. According to the first, the "demoniacs" were a special group of people differing from everyone else by physical appearance and/or behaviour, obsessed by ecstatic feelings or just simulating it. The second viewed them as first-hand participants of the revolt, indignant over and profoundly disturbed by foreign rule and, at the same time, encouraged by the perspectives of the future independence from Byzantine power. In this opinion, Niketas Choniates intentionally portrays the rebels' actions in the form of a caricature and substitutes it for the heroic picture of the liberation struggle of the Bulgarians and Vlachs. However, trying to reconstruct historical truth researchers read the complex text of Niketas Choniates, full of numerous quotations, allusions, and reminiscences, too literally. Textual research of Choniates' work shows that the description of persons urging the Bulgarians and Vlachs to fight against Byzantium was stylized to look like they were Erinyes and Maenads from the ancient poetry and drama. Obviously, this description is of a literary nature and may hardly be used for an exact reconstruction of historical reality.

Keywords

Niketas Choniates, "demoniacs", Bulgarian lands, Byzantium, uprising of 1185–1186, Vlachs, Bulgarians

Образование в конце XII в., после более чем 150-летнего византийского господства, новой болгарской общности — так называемого Второго Болгарского царства, равно как и начальный эпизод этого процесса — антивизантийское восстание 1185–1186 гг. под предводительством братьев Феодора-Петра и Асеня-Белгуна (позднее царь Иван Асень I) неоднократно становились предметом исследования в исторической науке. Обращаясь к этой теме, историки не могли обойти вниманием “Историю” Никиты Хониата — единственный источник сведений о начале этого восстания. Рассказывая о его зарождении, византийский автор описывает нежелание населения болгарских земель участвовать в выступлении против Византии и приводит подробное описание неких “бесноватых” (δαίμονόληπτοι). Согласно ему, именно эти люди сумели убедить колеблющихся в небесном покровительстве их делу св. Димитрия Солунского, “покинувшего Фессалонику” после норманнского разгрома в августе 1185 г., и побудили их начать войну с “ромеями” [Choniates 1975: 371].

Повествование Хониата, в котором подробно описываются эти “бесноватые” (их пронзительные голоса, исступление, экзальтация, одержимость [Choniates 1975: 371]), дает понять, что последующие решительные действия восставших болгар во многом объяснялись впечатлением от этого странного и даже устрашающего действия. Неудивительно поэтому, что, приступая к изучению восстания как ключевого события в становлении будущего независимого от Византии болгарского государства, исследователи так или иначе должны были комментировать этот эпизод, выдвигая свои объяснения тому, кем могли быть эти люди. При этом, рассматривая “Историю” прежде всего как исторический источник, они пытались увидеть в рассказе Хониата отражение реальных событий, пусть и переданных автором в столь специфической форме.

Отмечая мистическо-религиозный характер описанного Никитой Хониатом действия и необычайно сильный эффект, произведенный им, значительная часть исследователей исходила из того, что описанное византийским автором явление имеет отношение к народной религиозности. Так, в овеянной духом исторического романтизма работе П. Х. Стоянова-Берона 1886 г. “бесноватые” Хониата превращаются в слепых народных певцов, гусяров, распевających народную песнь в форме “Божественного откровения” (сам Стоянов-Берон отмечает, что “эта таинственная песнь очень похожа на песни и рапсодии греческого песнопевца Гомера”), начинающуюся словами: “Бог повелел послать с высокого синего неба св. мученика Димитрия с добрыми вестями нашему народу, нашему народу, в тяжком рабстве” [Стоянов-Берон 1886: 62–63].

В рамках “Истории болгарского государства” основоположника болгарской медиевистики историка-позитивиста профессора В. Златарского

“бесноватые” Хониата предстают “Божьими людьми”, “разными эпилептиками и полупомешанными из обоих народов [. . .] такими, через которых говорит Божество” [Златарски 1934: 431]. “Пророками” именуется “бесноватых” американский историк Р. Л. Вольф [Wolff 1949: 183], а французский византист Р. Гийан — “бедняками, игравшими роль бесноватых” [Guilland 1964: 128]. О “симуляции безумия” “бесноватыми” Хониата пишет и С. А. Иванов, ставя вопрос о сходстве их поведения с юродством [Иванов 2005: 236]. Констатируя, что, согласно “Истории”, организованное “бесноватыми” действие преследовало исключительно политические цели, он склонен считать “бесноватых” не юродивыми, а аналогом русских “похабов”, отмечая, что, “кроме того, окружающие явно воспринимали этих пророков не как презренных маргиналов, а как страшноватых медиумов” [Ibid.].

“Медиумический” характер действия в описании Хониата порождал и более экзотические версии, связанные с идентификацией “бесноватых”. Так, американский историк Дж. Файн в своей работе о средневековых Балканах назвал их “влашскими шаманами” [Fine 1983: 13]. “Шаманскую” версию событий используют в своих трудах и болгарские культурологи и фольклористы Т. Моллов и А. Калоянов, отождествляя упомянутых в византийских источниках влахов с “волхвами” [Моллов 2012: 48] и превращая “бесноватых” Хониата в “болгарских пророков шаманского типа”, хранителей традиции протоболгарского шаманизма [Калоянов 1995: 42, 112–113].

Интерес представляет и гипотеза, основанная на работе греческого исследователя Н. Веиса¹ [Βέης 1909: 48–50] и впоследствии подробно освещенная в монографии Ф. Малингудиса [Malingoudis 1980: 110–112], который привлекает для идентификации “бесноватых” более поздний источник XIII в., основанный на “Истории” Хониата, — “Обзорную хронику” Феодора Скутариота [Σάδας 1894]. Описывая “лжепророков”, подталкивающих население к восстанию, византийский автор называет их “Ἀσθενάρια” [Ibid.: 372], что напоминает видоизмененное “анастенария”, или “нестинария” [Malingoudis 1980: 110–112]. Поставив вопрос о тождестве странного поведения “бесноватых” Хониата и экстатической практики, сопровождающей нестинарский обряд хождения по раскаленным углям, Ф. Малингудис склоняется к тому, что “собрание” бесноватых — плод творческого воображения Хониата, который, пытаясь придать событию зловещий оттенок, использовал свои личные впечатления от экстатических танцев, увиденных им во время службы в Филлиппополе [Malingoudis 1980: 110–112].

¹ К сожалению, эта работа осталась нам недоступна. Ее основные положения содержатся в статье Г. Маврофридиса [Μαυροφρίδης 1993].

Ряд исследователей вслед за К. Иречеком, прямо назвавшем рассказ Хониата “извращенной легендой” [Иречек 1878: 301], склонны были видеть в описании византийского автора лишь реакцию на всеобщее народное воодушевление, связанное с провозглашением антивизантийского восстания. Так, Ф. И. Успенский констатировал, что “ничего больше нельзя видеть в картине, в которой Н. Акоминат (Хониат) рисует общее одушевление болгар, возбуждаемых к войне с греками пророчествами и воззваниями бесноватых с налитыми кровью и дикими глазами, как весьма простой факт действительно очень сильного волнения в Болгарии, произведенного частью беглецами из южной Македонии, частью проповедями в церквях терновских” [Успенский 1879: 222]. Неудивительно, что некоторые исследователи, обращаясь к рассказу Хониата о восстании в Тырново, нередко предпочитали его точному воспроизведению более или менее вольный пересказ, в котором сюжет с “бесноватыми” просто выпадал как избыточная подробность, а призывы к восстанию приписывались либо самому народу, либо непосредственно самим братьям Петру и Асеню [Палаузов 1974: 209; Цанкова-Петкова 1978: 28 и др.].

Подобный подход к осмыслению темы демонстрирует и “национально-возрожденческая” литература, посвященная событиям 1185–1186 гг., характерным примером которой является “История славяно-болгарская” (1762) Паисия Хилендарского [Паисий 1963]. Так, согласно автору, в день восстания болгарский народ, “как один”, собрался в Тырново к храму св. Димитрия и, радостно приветствуя начало освобождения от “греческого ига”, стал “громогласно кричать”: “Да здравствует Асень! Многая лета болгарскому царю Асеню! Многая лета Иоанну, блаженнейшему патриарху Тырновскому и всей Болгарии! Многая лета!” [Ibid.: 49].

С подачи Паисия утверждение о всеобщем воодушевлении болгар при начале восстания надолго утвердилось в болгарской историографии, включая таких ее корифеев, как П. Ников и П. Мутафчиев. В своих работах, посвященных истории Второго Болгарского царства, они “переводили” изложение в категории, более понятные для современной им читательской аудитории. Из зловещей полубезумной толпы “бесноватые” трансформировались в движущую силу освободительного движения, своего рода “народных будителей”.

Согласно П. Никову, действие с “бесноватыми” было напрямую связано с “религиозной основой движения” для привлечения населения, недовольного византийским владычеством [Ников 1937: 26]. Именно в этих целях предводители восстания внедрили в народную массу “бого вдохновенных агитаторов, которые проповедовали, что начатое дело

угодно Богу, одобряется и подкрепляется Им" [Ibid.: 27]. Сходного мнения придерживался и П. Мутафчиев, который писал о неких "предварительно подготовленных соучастниках заговора", которые "подняли клич о бунте против ненавистной византийской власти и увлекли весь собравшийся в Тырново народ" [Мутафчиев 1943: 258]. И. Дуйчев видел в "бесноватых" своего рода "горячих голов", которые, будучи "охвачены божественной яростью" (но ни в коем случае не падучей болезнью), сумели своими речами "патриотически-религиозного характера поднять народ на борьбу против ромеев" [Дуйчев 1945: 46; Idem 1981: 54–55]. По сути, болгарские ученые приходили к тому же выводу, что и славист В. В. Макушев в 1872 г., в свое время превративший "бесноватых" Хониата в "приверженных главарей Асенева" [Макушев 1872: 2].

В послевоенный период многие исследователи, рассматривая восстание Петра и Асеня сквозь призму марксистской методологии, фактически по-прежнему следовали версии о народном "воодушевлении", отказываясь понимать рассказ Хониата буквально. Так, в работе Б. Примова "бесноватые" Хониата трансформировались в "сознательных и разумных борцов", воодушевленных своим "великим делом" [Примов 1965: 130]. Согласно М. Андрееву, рассказ Хониата – это отражение "страшного недовольства народа, его ярости, которая привела к тому, что люди с налитыми кровью глазами и распущенными волосами призывали к бунту и восстанию" [Андреев 1974: 99]. Почти полностью исключал наличие какой-либо сверхъестественной составляющей в восстания Петра и Асеня П. Петров. Употребление Никитой Хониатом термина "бесноватые" ученый объяснял "нескрываемой злобой" автора-византийца, называющего "беснованием" "восторг тырновского населения" от идеи, что Бог даровал болгарам свободу, "взрыв неопишуемой народной радости и желание довести до конца борьбу против поработителей" [Петров 1985: 90, 101].

К похожим выводам приходил и Й. Андреев. По его мнению, для Хониата "помешанными и оборванцами" были все, кто восставал против византийской власти [Андреев 1996: 26]. Рассматривая обстоятельства восстания, представленные византийским автором, Й. Андреев указывал, что "знаменательное событие сопровождалось огромным энтузиазмом и имело неотразимое воздействие на болгар", а "прорвавшаяся народная энергия привела к всевозможным, может быть, и неумеренным эмоциям, но их ни в коем случае нельзя понимать так превратно, как их представляют византийские хронисты" [Ibid.: 26–27]. О "религиозном энтузиазме и вере мессианского толка", "организованном недовольстве", "охваченной энтузиазмом толпе" в связи с описанием "бесноватых" Хониата писали В. Гюзелев, Г. Николов [Гюзелев 2006: 38; Николов 2006: 609] и др.

Схожую позицию в идентификации “бесноватых” разделял и Г. Г. Литаврин. Первоначально усматривая в “бесноватых”, описанных Хониатом, “специально подобранных юродивых”, которых Петр и Асень заставили провозглашать политическую свободу [Литаврин 1960: 435, 443], в дальнейшем исследователь представлял их как “сподвижников братьев, болгарских священнослужителей”, которые “страстно пропагандировали идею о том, что св. Димитрий Солунский перешел на сторону болгар, покинув Фессалонику” [Idem 1999: 367]. В целом, в интерпретации Литаврина, “бесноватые” Хониата — это некое общее наименование для “собрания сторонников немедленного восстания, созданного Петром и Асенем”, которое отражает не только реакцию на события со стороны самого Хониата, но и “пропагандистскую деятельность руководителей движения и собрания их сторонников” [Ibid.].

Интересная гипотеза была выдвинута П. Павловым, предлагавшим видеть в действе “бесноватых” акт своего рода “психологической войны”, развернутой Петром и Асенем не только против византийцев, но и против собственных соплеменников [Павлов 2000: 3–4]. По мнению исследователя, провозглашенный во время восстания принцип “убивать решительно всех пленных без исключения” вызвал негативную реакцию Хониата и был воспринят им как проявление “безумия” и “беснования”, так как противоречил не только христианской морали, но и принятым в ту эпоху правилам ведения войны и практической целесообразности [Ibid.].

Таким образом, несмотря на ряд существенных различий в трактовке рассказа “Истории” Хониата о событиях антивизантийского восстания 1185–1186 гг., до недавнего времени исследователи рассматривали вопрос об идентификации “бесноватых” в основном по двум условно выделяемым направлениям. В рамках первого направления “бесноватые” Хониата — особая группа лиц, отличающаяся от остального населения физически, необычным обликом или поведением, охваченная экстатическим состоянием либо симулирующая его. В рамках второго “бесноватые” рассматриваются как непосредственные участники восстания, возмущенные и негодующие против византийской власти и одновременно воодушевленные перспективой будущей независимости от империи, действия которых Никита Хониат представляет в виде злобно-насмешливой карикатуры, подменяя ею величественную картину борьбы за народное освобождение.

В то же время вопрос о “бесноватых” Хониата может быть рассмотрен с совершенно иной точки зрения. В связи с выходом в свет в 1975 г. критического издания Я. Ван Дитена с конца 1970-х гг. оживляется исследовательский интерес как к самой личности Никиты Хониата, так и

к его главному произведению — "Истории". Проблему соотношения в нем "историчности" и художественного вымысла подробно исследовал в 1980–1990-е гг. А. П. Каждан, который подчеркивал, что "История" Хониата представляет собой "не памятник анналистического жанра, а скорее роман на историческом материале, подчиняющийся закономерностям романной прозы с ее сложностью и противоречивостью характеристик, разрывом между реальным и художественным временем, амбивалентной ироничностью речи" [Каждан 2005: 279].

Заданное А. П. Кажданом направление в фундаментальном изучении "Истории" было продолжено в 2000-е гг. А. Симпсон [Simpson 2010; Eadem 2013], А. Калделлисом [Kaldellis 2010] и др. Античными и библейскими мотивами в "Истории" Хониата занимался в 1990-е гг. и болгарский историк Д. Димитров [Димитров 2002: 401–409]. Наконец, применительно к рассказу Хониата о "бесноватых" этот подход был применен польским византинистом К. Мариновым [Маринов 2016: 70–83]. Анализируя используемые Никитой новозаветные аллюзии и коннотации, связанные с мотивом одержимости злыми духами и беснования, исследователь приходит к выводу о том, что византийский автор делает это сознательно, в соответствии с той политической идеологией, которой он был привержен, а следовательно, "бесноватые" — сконструированный образ, подчиненный задаче внушить определенную интерпретацию событий читателям [Ibid.: 82]. О гротескности образа "бесноватых" пишет и А. С. Добычина, выдвигая гипотезу о том, что ярко негативная окрашенность рассказа Хониата может быть связана с апелляцией со стороны предводителей восстания к культуре св. Димитрия Солунского и реализацией предварительно разработанного ими целостного религиозно-политического "сценария" с использованием таких инструментов легитимации, как широко почитаемое изображение великомученика и построенный ими храм в его честь [Добычина 2014].

Таким образом, в рамках этого направления становится очевидным, что, пытаясь реконструировать историческую реальность, исследователи слишком прямолинейно подходили к сложному тексту Никиты, сотканному из многочисленных цитат, аллюзий и реминисценций. Именно такой клубок интеллектуальных отсылок и представляет собой ключевой для истории восстания пассаж, описывающий его зачинщиков: πολλοὺς τῶν δαιμονολήπτων συνηθηροικότες ἐξ ἑκατέρου γένους, αἰμωποὺς καὶ διαστρόφους τὰς κόρας, λυσιχαίτους, καὶ τᾶλλα ἀκριβῶς διασώζοντες, ὅποσα οἱ τοῖς δαίμοσι κάτοχοι διαπράττονται [Choniates 1975: 371] (перевод этой фразы будет разобран ниже).

Прежде чем выяснять историческую подоплеку эпизода, следует проанализировать его с филологической точки зрения, причем слово за словом.

1. Призывавшие к восстанию люди были, согласно Хониату, из τῶν δαιμονολήπτων, буквально — ‘схваченных бесом’. Это слово — крайне редкое и фиксируется впервые у старшего современника Никиты Хониата — константинопольского патриарха Иоанна Каматира [Trapp 1994–2017: 335], который обозначает им Симона Волхва, поднятого бесами в воздух. Никита Хониат явно полюбил это слово: он использует его в своих произведениях четырежды. В Orationes 8 оно употреблено как синоним слова μαινόμενοι ‘безумствующие, неистовствующие’², при описании привычки таких людей говорить с собеседником не глядя на того двумя глазами, а косясь (одним глазом?) навверх³.

Но для нашей истории намного важнее, что это определение Никита дважды прилагает к одному из вождей восстания — Феодору-Петру:

В Orationes 1 он ‘одержимый бесом, как Люцифер, хвастался, что установит свой трон на высоких горах на севере’ κατὰ τὸν Ἐωσφόρον ὁ δαιμονόληπτος θήσειν τὸν θρόνον ἐκόμπασεν ἐπὶ τὰ ὄρη τὰ ὑψηλὰ τὰ πρὸς βορρᾶν [Choniates 1972: 5].

В Orationes 2 ‘поистине одержимый бесом Петр подражает сродственному себе бесу’: ὁ γὰρ δαιμονόληπτος τῷ ὄντι Πέτρος [. . .] τὸν σύνοικον αὐτῷ μιμεῖται δαίμονα [Choniates 1972: 7].

В обоих случаях описываются действия Феодора-Петра в ходе интересующего нас восстания. Очевидно, что эпитет δαιμονόληπτος Никита применяет не только к людям, ведущим себя как бесноватые, но и к тем, кто в своих поступках движим демоном или пользуется помощью бесов (возможно, что здесь Хониат отсылает своего искушенного читателя к Симону Волхву у Иоанна Каматира). В этом свете оказывается, что Никита соединяет два смысла слова δαιμονόληπτος: ‘одержимый бесом’, т. е. бесноватый (что уточнено далее словами καὶ τᾶλλα ἀκριβῶς διασώζοντας, ὅποσα οἱ τοῖς δαίμοσι ἀτόχοι διαπράττονται ‘и совершавших точно все то же, что делают одержимые бесами’) и ‘движимый бесом’, т. е. восставший против императора.

2. Феодор-Петр и Асень-Белгун собрали восставших ἐξ ἑκατέρου γένους. Формально это выражение можно переводить и как ‘от обоих полов’, и как ‘из обоих народов’. Однако в пользу второго варианта однозначно говорит тот факт, что такое выражение встречается в “Истории”

² Τοιοῦτοις δὲ σχήμασι καὶ ὁρμαῖς κέχρηται πολλάκις καὶ οἱ μαινόμενοί τε καὶ δαιμονόληπτοι — ‘Тем же обликом и движениями часто пользуются безумствующие и охваченные бесом’ [Choniates 1972: 79].

³ κάκεινοι γὰρ ἐν τῷ διαλέγεσθαι οὐκ ἰθυτενῶς τὰς τῶν ὀμμάτων βολὰς καὶ ὡς πρὸς ἓνα τείνειν ἔχοντες διὰ τὸ μὴ διφαῆς τῆς ὄψεως καὶ διάστροφον ἄνω ἐς ὄροφῆν εἰοίκασι ἀφορᾶν — ‘ведь и они, разговаривая, не прямо направляют взор глаз и не на один [предмет], так как они обычно смотрят не двумя глазами, а косясь вверх, на крышу’ [Choniates 1972: 78].

Никиты еще дважды, и оба раза обозначает 'оба народа'. В одном случае под словами *ἐκατέρων* [. . .] *τῶν γενῶν* подразумеваются ромеи и венецианцы [Choniates 1975: 85], а в другом под словами *γένη διττά, πῆ μὲν ἐκάτερα* — скифы (т. е. половцы) и латиняне [Ibid.: 618]. Очевидно, что в нашем случае собранные предводителями восстания люди были из обоих народов, т. е. из болгар и влахов.

3. Слово *λυσιχαίτους* (букв. 'простоволосых, с распущенными волосами') — вообще *haraх legomenon* и, по всей видимости, изобретено самим Никитой. Этимология этого слова, созданного по образцу *λυσίθριξ* 'простоволосый', применяющегося обычно по отношению к женщинам, прозрачна: *λύω* 'распускать' + *χαίτη* 'волосы, грива'. Такое словосочетание могло быть заимствовано Никитой у Нонна Панополитанского, употребляющего его дважды: в *Dionysiaca* 6, 8 (*ἀρχενίης λύσσα καθειμένα βόστρυχα χαίτης*); 26, 201 (*Βάκχης νηχομένης ἐλικώδεας ἔκλυσε χαίτας*), причем во втором случае оно применено к вакханке (ср. ниже). Более того, это новообразование уникально, скорее всего, потому, что плеонастично, так как слово *χαίτη* и означает распущенные волосы.

4. Наконец, обратимся к самым загадочным словам Никиты — *αἰμωπός και διαστρόφος τὰς κόρας*. Уже издатель текста И. Беккер, судя по его латинскому переводу (*cruentis et perversis pupillis*) [Nicetae 1835: 485], понял это выражение не как прямое дополнение при *συνθηθροικότες*, а как своеобразный *accusativus relationis* 'с налитыми кровью и блуждающими зрачками', что и закрепилось далее в науке. Однако никто из ученых не опознал (по крайней мере, эксплицитно) в *διαστρόφος τὰς κόρας* цитату из любимого Никитой Еврипида, а именно из *Vaschae* 1122–1123, где так описана находящаяся в вакхическом безумии Агава: *διαστρόφος κόρας ἐλίσσοσ'* (букв. 'вращая блуждающими зрачками') [Euripidis 1994: 339]. Выше мы видели, что тем же словом *διάστροφον* Никита в другом месте описывает взгляд *τῶν δαιμονολήπτων*. Соответственно, эпитет *αἰμωπός* (букв. 'кровавый на вид') понимается в отношении зрачков как 'налитые кровью', хотя, конечно, кровью наливаются белки глаз, а не зрачки (ср. у того же Еврипида во *Fragmenta* 870: *δράκοντος αἱματωπὸν ὄμμα* 'налитый кровью глаз змеиный') [Nauck 1889: 641]).

Однако еще важнее оказывается другая отсылка, также не опознанная исследователями: в *αἰμωπός* [. . .] *τὰς κόρας* мы видим цитату из того же драматурга, а именно из *Orestes* 256 [Euripidis 1994: 205]. Там герой просит мать убрать от него *τὰς αἱματωπὸς και δρακοντώδεις κόρας* 'покрытых кровью и змеевидных дев', под которыми подразумеваются эринии (фурии). Итак, здесь Никита обыгрывает два значения слова *κόρη*: 'дева' и 'зрачок', остроумно комбинируя две цитаты из Еврипида с разными смыслами этого слова и соединяя образы вакханок и эриний-фурий.

Этот полностью построенный на античных цитатах пассаж, прямо отсылающий к образу вакханок и фурий, едва ли можно считать описанием какой-либо реальной социальной группы в средневековой Болгарии 1185–1186 гг. Данная картина напоминает скорее античный топос выглядящих необычным образом женщин, призывающих своих мужчин на борьбу с врагами (см., например, Николай Дамасский. *Historia* fr. 66, 72 [Müller 1849: 406]). Таким образом, это описание, выполненное при помощи образов античной драмы, носит, очевидно, чисто литературный характер, презрительно изображая восставших против империи “варваров” как обезумевших вакханок и эриний, и вряд ли может использоваться в целях точной реконструкции исторических реалий.

Библиография

Источники

Издания

Choniates 1972

Choniates N., *Orationes et epistulae*, J. van Dieten, ed. (= Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Series Berolinensis, 3), Berlin, 1972.

Choniates 1975

Choniates N., *Historia, pars prior*, J. van Dieten, ed. (= Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Series Berolinensis, 11.1), Berlin, 1975.

Euripidis 1994

Diggle J., ed., *Euripidis fabulae*, 3, Oxford, 1994.

Müller 1849

Müller K., *Fragmenta historicorum Graecorum*, 3, Paris, 1849.

Nauck 1889

Nauck A., *Tragicorum Graecorum fragmenta*, Leipzig, 1889.

Nicetae 1835

Bekker I, ed., *Nicetae Choniatae historia*, (= Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae), Bonn, 1835.

Σάδης 1894

Σάδης K. N., *Bibliotheca graeca medii aevi*, 7, Paris, 1894, 3–556.

Литература

Андреев 1996

Андреев Й., *История на Второто Българско царство*, Велико Търново, 1996.

Андреев 1974

Андреев М., *Българската държава през Средновековието*, София, 1974.

Гюзелев 2006

Гюзелев В., “Чудотворна икона на св. Димитър Солунски в Търново през 1185–1186 г.”, in: *Любен Прашков – реставратор и изкуствовед*. София, 2006, 36–39.

Добычина 2014

Добычина А. С., “«Бесноватые» в Тырновском восстании под руководством Петра и Асеня (1185–1186)”, *Славяноведение*, 2, 2014, 107–111.

Дуйчев 1945

Дуйчев И., *Проучвания върху българското Средновековие*, София, 1945.

——— 1981

Дуйчев И., *Проучвания върху средновековната българска история и култура*, София, 1981.

Златарски 1934

Златарски В., *История на българската държава през Средните векове. 2: България под византийско владичество (1018–1187)*, София, 1934.

Иванов 2005

Иванов С. А., *Блаженные похабы. Культурная история юродства*, Москва, 2005.

Иречек 1878

Иречек К., *История болгар*, Одесса, 1878.

Каждан 2005

Каждан А. П., *Никита Хониат и его время*, Москва, 2005.

Калоянов 1995

Калоянов А., *Българското шаманство*, София, 1995.

Литаврин 1960

Литаврин Г. Г., *Болгария и Византия в XI–XII вв.*, Москва, 1960.

——— 1999

Литаврин Г. Г., *Византия и славяне*, С.-Петербург, 1999.

Маврофридис 1993

Маврофридис Г., "Нестинарството в гръцката етнографска книжнина", in: *Thracia*, 10, София, 1993, 157.

Макушев 1872

Макушев В. В., "Болгария в конце XII и первой половине XIII в.", *Варшавские Университетские известия*, 3, 1872, 1–66.

Маринов 2016

Маринов К., "Новият Завет и византийската пропаганда. Още веднъж за Никита Хониат и българското освободително движение", in: *Великите Асеневици*, Велико Търново, 2016, 70–83.

Моллов 2012

Моллов Т., *Етнология и медиевистика. Топоси. Имена. Светци. Студии и статии*, Велико Търново, 2012.

Мутафчиев 1943

Мутафчиев П., *История на българския народ, 2: Второ българско царство*, София, 1943.

Ников 1937

Ников П., *Второ Българско царство (1186–1396)*, София, 1937.

Николов 2006

Николов Г., "Българите и Византийската империя (август – ноември 1185 г.)", in: *Тангра. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев*, София, 2006, 597–617.

Павлов 2000

Павлов П., "Методите на психологическа война във въстанието на Петър и Асен", *Българска историческа библиотека*, 2, 2000, 2–8.

Паисий 1963

Паисий Хилендарски, *Славянобългарска история*, София, 1963.

Палаузов 1974

Палаузов С., *Избрани трудове*, 1, София, 1974.

Петров 1985

Петров П., *Възстановяване на българската държава: 1185–1197*, София, 1985.

Примов 1965

Примов Б., “Утвърждаване и териториално разширение на Втората българска държава в края на XII и началото на XIII в.”, in: *История на България в 14 т.*, 3: *Втора българска държава*, София, 1982, 125–162.

Стоянов-Берон 1886

Стоянов-Берон П., *Археологически и исторически изследвания*, Търново, 1886.

Цанкова-Петкова 1978

Цанкова-Петкова Г., *България при Асеневици*, София, 1978.

Успенский 1879

Успенский Ф. И., *Образование Второго Болгарского Царства*, Одесса, 1879.

Fine 1987

Fine J. V. A., *The Early Medieval Balkans. A Critical Survey from the Sixth to the Late Twelfth Century*, Ann Arbor, 1983.

Guilland 1964

Guilland R., “Byzance et les Balkans, sous le règne d’Isaac II Ange (1185–1195)”, in: *Actes du XII Congrès International d’Études byzantines*, 2, Beograd, 1964, 125–137.

Kaldellis 2010

Kaldellis A., “Paradox, Reversal and the Meaning of History”, in: Kaldellis A. et al., *Niketas Choniates: a Historian and a Writer*, Geneva, 2010, 75–99.

Malingoudis 1980

Malingoudis P., “Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des Zweiten Bulgarischen Staates”, in: *Byzantina*, 10, Thessaloniki, 1980, 49–148.

Simpson 2010

Simpson A., “Niketas Choniates: the Historian”, in: Kaldellis A. et al., *Niketas Choniates: a Historian and a Writer*, Geneva, 2010, 13–34.

——— 2013

Simpson A., *Niketas Choniates. A Historiographical Study*, Oxford, 2013.

Trapp 1994–2017

Trapp E. et al., *Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders des 9.–12. Jahrhunderts* (= Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik, 6), Wien, 1994–2017.

Wolff 1949

Wolff R. L., “The Second Bulgarian Empire”, in: *Speculum*, 24, 1949, 167–206.

Βέης 1909

Βέης Ν., “Τὰ ἀναστεινάρια κατὰ τοὺς μέσους αἰῶνας”, in: *Βυζαντίς*, 1, 1909, 48–50.

References

Andreev Ī., *Istoriia na Vtoroto Bŭlgarsko tsarstvo*, Veliko Tŭrnovo, 1996.

Andreev M., *Bŭlgarskata dŭrzhava prez Sredno-vekovieto*, Sofia, 1974.

Dobychina A. S., “«Demoniacs» in the Tŭrnovo uprising under the leadership of Petr and Asen (1185–1186)”, *Slavianovedenie*, 2, 2014, 107–111.

Duĭchev I., *Prouchvaniia vŭrhu bŭlgarskoto Srednovekovie*, Sofia, 1945.

Duĭchev I., *Prouchvaniia vŭrhu srednovekovnata bŭlgarska istoriia i kultura*, Sofia, 1981.

Fine J. V. A., *The Early Medieval Balkans. A Critical Survey from the Sixth to the Late Twelfth Century*, Ann Arbor, 1983.

Giuzelev V., “Chudotvorna ikona na sv. Dimitŭr Solunski v Tŭrnovo prez 1185–1186 g.”, in: *Liuben Prashkov – restavator i izkustvoved*, Sofia, 2006, 36–39.

Guilland R., “Byzance et les Balkans, sous le Regne d’Isaac II Ange (1185–1195)”, in: *Actes du XII Congrès International d’Études byzantines*, 2, Beograd, 1964, 125–137.

Ivanov S. A., *Blazhennye pohaby. Kul’turnaia istoriia iurodstva*, Moscow, 2005.

- Kaldellis A., "Paradox, Reversal and the Meaning of History", in: Kaldellis A. et al., *Niketas Choniates: a Historian and a Writer*, Geneva, 2010, 75–99.
- Kalioianov A., *Bŭlgarskoto shamansvo*, Sofia, 1995.
- Kazhdan A. P., *Nikita Honiat i ego vremia*, Moscow, 2005.
- Litavrin G. G., *Bolgariia i Vizantiia v XI–XII vv.*, Moscow, 1960.
- Litavrin G. G., *Vizantiia i slaviane*, St. Petersburg, 1999.
- Malingoudis P., "Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des Zweiten Bulgarischen Staates", in: *Byzantina*, 10, Thessaloniki, 1980, 49–148.
- Marinov K., "Noviiat Zavet i vizantiyskata propaganda. Oshte vednŭzh za Nikita Honiat i bŭlgarskoto osvoboditelno dvizhenie", in: *Velikite Asenevtsi*, Veliko Tarnovo, 2016, 70–83.
- Mavrofridis G., "Nestinarstvoto v grŭtskata etnografska knizhnina", in: *Thracia*, 10, Sofia, 1993.
- Mollov T., *Etnologii i medievistika. Toposi. Imena. Svettsi. Studii i statii*, Veliko Tŭrnovo, 2012.
- Mutaŭchiev P., *Istoriia na bŭlgarskiia narod*, 2: *Vtoro bŭlgarsko tsarstvo*, Sofia, 1943.
- Nikolov G., "Bŭlgarite i Vizantiŭskata imperiia (avgust – noemvri 1185 g.)", in: *Tangra. Sbornik v chest na 70-godishninata na akad. Vasil Giuzelev*, Sofia, 2006, 597–617.
- Nikov P., *Vtoro Bŭlgarsko tsarstvo (1186–1396)*, Sofia, 1937.
- Paisii Hilendarski, *Slavianobŭlgarska istoriia*, Sofia, 1963.
- Palauzov S., *Izbrani trudove*, 1, Sofia, 1974.
- Pavlov P., "Metodite na psihologicheska voina vŭv vŭstanieto na Petŭr i Asen", *Bŭlgarska istoricheska biblioteka*, 2, 2000, 2–8.
- Petrov P., *Vŭzstanoviavane na bŭlgarskata dŭrzhava: 1185–1197*, Sofia, 1985.
- Primov B., "Utvŭrzhdavane i teritorialno razshirenje na Vtorata bŭlgarska dŭrzhava v kraia na XII i nachaloto na XIII v.", in: *Istoriia na Bŭlgariia v 14 t.*, 3: *Vtora bŭlgarska dŭrzhava*, Sofia, 1982, 125–162.
- Simpson A., "Niketas Choniates: the Historian", in: Kaldellis A. et al., *Niketas Choniates: a Historian and a Writer*, Geneva, 2010, 13–34.
- Simpson A., *Niketas Choniates. A Historiographical Study*, Oxford, 2013.
- Trapp E. et al., *Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders des 9.–12. Jahrhunderts* (= Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik, 6), Wien, 1994–2017.
- Tsankova-Petkova G., *Bŭlgariia pri Asenevtsi*, Sofia, 1978.
- Wolff R. L., "The Second Bulgarian Empire", in: *Speculum*, 24, 1949, 167–206.
- Zlatarski V., *Istoriia na bŭlgarskata dŭrzhava prez Srednite vekove*, 2: *Bŭlgariia pod vizantiŭsko vladichestvo (1018–1187)*, Sofia, 1934.

Андрей Юрьевич Виноградов, кандидат исторических наук
 Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
 доцент школы исторических наук факультета гуманитарных наук,
 старший научный сотрудник научно-учебной лаборатории
 медиевистических исследований факультета гуманитарных наук
 105066, Москва, Старая Басманная, 21/4
 Россия/Russia
 auvinogradov@hse.ru

Анастасия Сергеевна Добычина, кандидат исторических наук
 Институт славяноведения Российской Академии наук,
 научный сотрудник отдела истории Средних веков
 119991, Москва, Ленинский проспект, 32 А
 Россия/Russia
 andobychina@gmail.com

Received November 30, 2017